

Языковая политика и прикладная лингвистика

УДК 81'44

DOI: 10.14529/ling170406

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИРАНА, КИТАЯ И РОССИИ И МЕТОД ВЕРИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ БАЗ ДАННЫХ КНР И ИРАНА

Б.Г. Фаткулин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Терминология международных отношений, которая вплоть до эпохи информационных технологий основывалась исключительно на европоцентризме, в настоящее время пополняется концептами, разработанными в исследовательских структурах развивающихся стран. Помимо общепринятой терминологии международных отношений Иран и Китай используют аутентичные концепты, созданные учеными этих стран исходя из интересов этих государств. Аутентичная терминология нуждается в верификации. Статья предлагает верифицировать аутентичные термины, используя наукометрические базы данных Ирана и Китая, языком которых являются государственные языки этих стран (фарси и китайский). Присутствие верифицируемых терминов в заголовках статей, размещенных в наукометрических базах данных на фарси и китайском (CNKI.cn и SID.ir), сигнализирует о том, что эти термины прошли этап освоения в вышеуказанных языках и могут быть использованы в российской иранистике при анализе аутентичных текстов на международную тематику.

Ключевые слова: терминография, российско-иранские отношения, китайско-иранские отношения, зарубежная иранистика, терминология иранистики, терминология международных отношений, страны третьего мира, язык заголовков статей, верификация терминов, наукометрические базы данных, многополярность, терминология дипломатии, европоцентризм, великие державы, языковая политика.

Международные отношения – это научная дисциплина, занимающаяся изучением всех видов взаимодействия между государственными участниками на международной арене – экономическое, политическое, правовое и культурное.

Международные отношения тесно связаны с изучением и использованием иностранных языков (европейских и восточных), поэтому имеют и лингвистическую составляющую. Умение находить нужные слова в отношениях с партнерами играет важнейшую роль в формировании правильной внешней политики. Это правило касается и взаимоотношений России с крупной региональной державой Среднего Востока – Ираном. Российские иранисты, в целях успешного решения поставленных перед ними задач, используют сопоставительные подходы, при этом изучают опыт, накопленный иностранными коллегами. Целью настоящей статьи является сравнение терминосистем отрасли иранистика в китайском и русском языках и выделение аутентичных терминов, выработанных китайскими и иранскими экспертами. Достоверность

результата обеспечивается за счет верификации терминов через наукометрические базы данных Ирана и Китая (cnki.cn и sid.ir).

По ряду объективных причин в терминологии российской иранистики до недавнего времени господствовал так называемый «европоцентричный» подход. Однако терминология иранистики, сложившаяся в рамках европоцентризма, не дает целостной картины развития российско-иранских отношений. Терминология, используемая китайскими иранистами, могла бы обогатить терминологический массив российской иранистики.

Европоцентричный подход основан на концепции прогрессивной, цивилизаторской миссии Запада в его взаимоотношениях с внешней средой, иными цивилизационными мирами. При этом основной признается только линейная версия исторического прогресса, базирующаяся, прежде всего, на идеях передового политического, экономического и технологического развития. Соответственно, все остальные основания прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо выносятся за скобки

и считаются вторичными, либо отвергаются в принципе. Согласно другому определению под европоцентризмом следует понимать «абсолютизацию универсальности процессов и явлений, составляющих существо европейской цивилизации, и принятие этих процессов и явлений за эталонные модели для воссоздания и истолкования хода исторического развития и культурных традиций всех остальных народов».

В качестве примера европоцентричной терминологии международных отношений можно привести в пример статью О.П. Миньяр-Белоручевой и О.А. Вдовиной, в которой приводится информация о периодизации международных отношений, называя их основные системы. В статье названы 9 стадий и периодов развития международных отношений:

1. Первая стадия системы международных отношений, Вестфальская (1648–1789).
2. Период перестройки системы международных отношений (1789–1815).
3. Вторая стадия системы международных отношений, Венская (1815–1914).
4. Период перестройки системы международных отношений (1914–1921).
5. Третья стадия системы международных отношений, Версальско-Вашингтонская (1921–1939).
6. Период перестройки системы международных отношений (1939–1945).
7. Четвертая стадия системы международных отношений, биполярная (1945–1989).
8. Период перестройки системы международных отношений (1989–1991).
9. Пятая стадия системы международных отношений, постбиполярная / Брюссельско-Вашингтонская / Новый мировой порядок (с 1991 г.) [4].

Перечисленные в указанной статье системы международных отношений во главу угла ставят доктрину европоцентризма.

Преобладание европоцентрической терминологии в лексиконе дипломатии западных стран обусловлено тем, что долгое время считалось, что монополией на прогресс и интенсивный путь развития обладают лишь страны европейской культуры, так называемые «великие державы». Великая держава – условное, неюридическое обозначение государств (держав), которые, благодаря своему политическому влиянию, играют определяющую роль «в системе международных и международно-правовых отношений». Понятие «великая держава» получило широкое распространение после завершения наполеоновских войн и создания системы «Европейского концерта». В научный оборот фраза была введена немецким историком Леопольдом фон Ранке, в 1833 г. опубликовавшим фундаментальную работу под названием «Великие державы» (нем. Die großen Mächte). Долгое время великие державы использовали своё влияние на международных переговорах для заключения «не-

равноправных» соглашений, без учёта интереса других участников. Поэтому за незападными странами и народами признавалось право лишь на догоняющее развитие, причем идущее по пути, проторенному ведущими странами Запада, и лишь по уже «утвержденным» последними «лекалам».

И действительно, на протяжении XX в. Иран и Китай рассматривались не как субъекты международной политики, а как объекты воздействия в паре «колония – метрополия». В то время как закладывалась европоцентричная система международных отношений, страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока были объектом дележа и колониальной эксплуатации со стороны великих держав.

Изменение политической и экономической картины мира потребовало пересмотра устоявшейся терминологии. После распада мировой колониальной системы бывшие колонии и полуколонии прошли нелегкий путь экономического и государственного становления. Крупные региональные державы Среднего и Дальнего Востока в настоящее время имеют собственную историю международных отношений, учитывающую их государственные интересы. Органы языковой политики этих стран разрабатывают, апробируют и вводят в оборот аутентичные терминологические единицы.

На наш взгляд, внешнеполитические органы Китайской народной республики и следующие их директивам органы языковой политики в своей терминологической деятельности выходят из рамок европоцентризма гораздо более последовательно, чем их российские коллеги. Уже в начале 1960-х гг. китайское руководство осознало необходимость создания научно-исследовательских центров по изучению актуальных проблем мировой политики, именно тогда предпринимаются конкретные шаги по составлению собственной внешнеполитической концепции, не дублирующей положения аналогичных документов СССР и США. Поэтому терминосистема дипломатии КНР пополнилась собственной терминологией, отражающей политические установки современного Китая. Не отстает от Китая и Иран, который разработал собственную концепцию международных отношений.

В силу вышеуказанных причин российским иранистам, помимо терминологии традиционной европоцентричной парадигмы, необходимо изучать и знать оригинальные внешнеполитические доктрины Ирана и Китая и оригинальные концепты, отраженные в китайском и персидском языках.

Опираясь на собственные научные силы, Китай выдвигает собственную терминологию в области международных отношений, в том числе и концепции, ставшие базой для сотрудничества Китая со странами так называемого третьего мира. В качестве примера можно привести: «пять принципов мирного сосуществования» (和平共处五项原则 héping gòngchǔ wǔxiàng

yuánzé), концепция «промежуточных зон» («中间地带»概念 “Zhōngjiān dìdài” gàiniàn), доктрина «трех миров» (三个世界的理论 Sān gè Shìjiè de Lǐlùn), «четыре модернизации» (四个现代化 Sì gè xiàndàihuà).

Суть концепции «промежуточных зон», выдвинутой Мао Цзэдуном еще в конце 1940-х гг., но ставшей официальной доктриной только в начале 1960-х гг., сводилась к следующему: промежуточная зона состоит из 2 частей. К первой, по мнению китайцев, относятся независимые и борющиеся за независимость страны Африки, Азии и Южной Америки (т. е. Иран), ко второй – страны Западной Европы, Канада, страны Океании и другие государства с капиталистическим строем [6]. Развитые страны Западной Европы и Азии – второй мир, а развивающиеся страны Азии, Африки и Южной Америки (в том числе Иран), к которым Китай относил и себя, заявляя, что Китай – и развивающееся, и социалистическое государство, образовывали третий мир [2].

Установки внешней политики КНР как страны третьего мира выражались в следующих действиях на международной арене:

1) проведение самостоятельной и независимой внешней политики, исходящей из собственных национальных интересов;

2) принцип неучастия и невступления в военно-политические блоки, в союзнические отношения с одной из «сверхдержав», т. е. с СССР или с США;

3) подтверждение тезиса о том, что КНР – развивающаяся страна, принадлежащая к «третьему миру» и не стремящаяся проводить гегемонистскую ревизионистскую внешнюю политику и становиться «сверхдержавой».

Европоцентризм не играет ведущей роли во внешнеполитической терминологии КНР, так как Китай не входил в число так называемых великих держав. После поражения в двух Опиумных войнах и подписания неравноправных договоров с европейскими колониальными державами цинский Китай утерял возможности проводить активную внешнюю политику, так как его сфера влияния на ближневосточный и средневосточный регион была ограничена статусом полуколонии. В этот период времени Китай не имел возможности развивать полноценные отношения с Ираном.

Первую половину XX века Китай решал проблемы преодоления статуса полуколонии. XXI век стал для Китая успешным, и страна получила возможность активно влиять на события в мире и на Среднем Востоке. Китай вышел на ведущее место в списке стран импортеров иранской нефти и начал выстраивать собственные отношения с Ираном исходя из своих геополитических целей и приоритетов.

В китайских внешнеполитических доктринах еще в конце 1980-х гг. намечалась тенденция к пе-

ресмотру биполярной системы международных отношений в пользу выхода на мировую арену стран «третьего мира» (Иран также входит в этот список), в которых китайские руководители видят потенциал для формирования мультиполярной архитектоники международных отношений [6]. В 70-х гг. прошлого столетия Китай не только превращает внешнюю политику в инструмент содействия экономическому развитию, но и фактически становится лидером «третьего мира». Примечательно, что до сих пор КНР относит себя к развивающимся странам.

Сегодня руководство КНР, используя культурную стратегию «ставить древность на службу современности», все чаще включает конфуцианские идеи в концепцию создания «гармоничного общества» (和谐社会 héxié shèhuì). Терминологическим базисом китайского культурного самоопределения стали традиционные китайские ценности – «совпадающее единство неба и человека» (天人合一 tiān rén hé yī), а также «гармония многообразного и несходного» (和而不同 hé ér bù tóng) являются основными ресурсами китайского влияния на мировой арене.

Немаловажным фактором усиления интереса иностранных граждан к изучению китайского языка и распространения его за рубежом является наличие в Китайской Народной Республике необходимой организационной и институциональной лингвистической инфраструктуры (Государственная канцелярия Китайской Народной Республики по делам распространения китайского языка и культуры за рубежом (Ханьбан) [1].

Терминология российской иранистики имеет богатую историю. Начиная с XIX терминология расширения геополитического влияния на Востоке стала ядром внешнеполитической концепции Российской империи. В начале XIX в. в Европе обострился так называемый «восточный вопрос», связанный с борьбой за сферы влияния и рынки сбыта европейских держав. Это вызвало значительное ухудшение российско-иранских отношений (причем тут не последнюю роль сыграла политика Великобритании и Франции). В XIX в. Россия проводила «восточную политику» в отношении Персии и Османской Турции. В рамках этой политики Россия была участником многих войн за влияние на Востоке (Русско-персидская война (1804–1813), Русско-персидская война (1826–1828)).

XX век стал для России временем активного продвижения на Восток и взаимодействия с Ираном. Степень взаимодействия между Ираном, Российской империей, а затем Советским Союзом была на порядок выше, чем степень взаимодействия Ирана с Китаем (первая половина XX в. совпала с закатом династии Цин и становлением гоминдановского Китая, китайско-японской войной).

После Октябрьской революции подход советского государства к Ирану нес на себе отпечаток

коммунистической идеологии и пролетарского интернационализма. Советский Союз имел общую границу с Ираном, активно вмешивался в политику этой страны. После распада СССР советско-иранские границы отошли к государствам СНГ. В конце XX в. в Иране (в ходе исламской революции) и в России (в «лихие 90-е») поменялся общественно-политический и экономический строй, утвердилась новая идеология, к власти пришли другие социальные силы. В ходе взаимодействия двух стран вырабатывается новая терминология российско-иранского взаимодействия.

В настоящее время терминология иранистики в России развивается в рамках следующих внешнеполитических целей:

- 1) сохранить свое присутствие на Каспийском море в республиках Кавказа и Средней Азии, сохранить статус кво и не допустить проникновения иных держав в этот регион;
- 2) предотвратить появление в регионе режимов, враждебных Российской Федерации;
- 3) создать благоприятные условия для деятельности российских предпринимательских структур;
- 4) сохранить традицию культурного влияния России в этом регионе;
- 5) не допустить появления антироссийских и русофобских настроений в перечисленных регионах;
- 6) сохранить и приумножить инфраструктуру, связывающую Россию с Ираном.

Некоторые изменения произошли в нулевые и десятые годы, после того как Российская Федерация стала позиционировать себя как евразийская страна.

За последние годы российско-иранские отношения претерпевали падения и взлеты, связанные в том числе с изменяющейся международной обстановкой. Периоды активного диалога сменялись продолжительными паузами, подписание многомиллиардных контрактов – обоюдными обвинениями в невыполнении взятых на себя обязательств и обещаний.

Вместе с тем нельзя не отметить, что несправедливые санкции США и их союзников против России, политика «двойных стандартов» во многом сблизил позиции Москвы и Тегерана. Это выразилось в совместной операции в Сирии (30 сентября 2015 г.) и подписании серьезных экономических и военных контрактов. Представляется, что в скором времени тенденция к изоляции России не изменится, что заставляет Москву рассматривать Иран в качестве своего экономического и политического партнера на ближайшую перспективу [5].

Важно подчеркнуть, что в терминологии российско-иранских отношений никогда не было ни «братской дружбы», ни взаимной ненависти и стремления решить все проблемы одним махом. СССР относился к Ирану с точки зрения идеологической доминанты. Устранение определяющей

роли идеологической доминанты в российско-иранских отношениях после краха биполярного мира способствовало снятию недоверия к России с иранской стороны [7]. Иранская терминология в области международных отношений, характерная для времен исламской революции 1979 г., ярко проявилась в письме Аятоллы Хомейни Михаилу Горбачеву, отправленном в 1986 г. По сути, Аятолла Хомейни очень точно предсказал возможные неблагоприятные последствия советской так называемой «перестройки» и чрезмерной тяги к американским идеалам.

Таким образом, массив терминологии российской иранистики, охватывающий российско-иранские отношения, базируется на сочетании трех подходов:

- колониальный подход (европоцентризм);
- идеологизированный подход (период идеологического противостояния двух систем);
- подход в рамках многополярного мира.

Выразителем современной внешней политики Ирана стал лидер исламской революции. Между подходом аятоллы Хомейни и китайским подходом «трех миров» просматриваются определенные сходства. Аятолла Хомейни признавал сложившуюся на тот момент систему международных отношений несправедливой и четко подразделял мир на две его части, одну из которых составляли «благоденствующие» (مستکبرين) мостакберин), а другую – «обездоленные и угнетенные» (مستضعفين) мостазафин). К числу первых относились как возглавляемые США страны Запада, так и возглавляемый СССР блок социалистических стран, а ко вторым – «страны третьего мира, угнетаемые мировым империализмом» [3]. Эта концепция во многом близка к китайской концепции «трех миров».

Выявленные нами в ходе исследования и выходящие за рамки европоцентрического подхода термины в ходе использования их в научном обороте необходимо проверить на репрезентативность. Иран и Китай основали свои собственные школы геополитики и свои собственные системы информационных ресурсов. Показателем репрезентативности терминов на восточных языках, неизвестных представителям европоцентрического подхода, могла бы стать верификация терминов путем выделения этих терминов в заголовках научных статей, опубликованных в национальных и региональных наукометрических базах данных (Иран, Китай).

Суть этой методики заключается в проведении следующих действий:

1. Верифицируемый термин представляется на языке оригинала.
2. Открываются онлайн-базы национальных наукометрических баз данных Китая (CNKI.ir) и Ирана (noormags.ir, sid.ir).
3. Выделяются заголовки статей, в которых представлен искомый термин (в названии либо в ключевых словах).

4. Если заголовки статей, содержащие искомый термин, выводятся с достаточно большой частотой, то этот термин является признанным в научном сообществе Ирана и Китая.

Результаты верификации мы представляем в табл. 1, 2.

Сравнение терминологии российского и китайского подходов в отношении стран третьего

Таблица 1

Верификация в языке фарси

Заголовок статьи на языке фарси	Верифицируемый термин
<p>1. مجتهد احمد. تحقیقات و توسعه در کشورهای جهان سوم // مطالعات مدیریت بهبود و تحول. 1371. № 6. 37-60.1. C.</p> <p>2. بهشتی احمد. پژوهشی درباره مستضعفین (8) نظر اسلام درباره استضعاف و استکبار // درسهایی از مکتب اسلام. 1359. № 237. 16-20. C.</p> <p>3. اسکندری محمدحسین. مستضعفان و مستکبران از دیدگان قرآن و عترت (1) // نور علم. 1367. № 28. 125-138. C.</p> <p>4. آشناگر داریوش. جهانی شدن و امپریالیسم // اطلاعات سیاسی - اقتصادی. 1388. № 267,268. 4-23. C.</p>	<p>Мостазафин, мостакберин</p>
Заголовок статьи на английском языке	Верифицируемый термин
<p>1. A. P. Friborz, 'THIRD WORLDISM AND AHMADINEJAD'S FOREIGN POLICY', <i>IRANIAN REVIEW OF FOREIGN AFFAIRS</i>, vol. 4, no. 214, pp. 81-109, Jan. 2013.</p> <p>2. R. Simbar and A. Ghorbani Sheykh Neshin, 'AN ANALYSIS OF THIRD WORLDISM IN THE INTERNATIONAL SYSTEM', <i>FOREIGN RELATIONS</i>, vol. 2, no. 8, pp. 171-192, Jan. 2011.</p> <p>3. A. Saei, 'NATIONAL SECURITY IN THE THIRD WORLD', <i>LAW & POLITICS RESEARCH JOURNAL</i>, vol. 7, no. 14, pp. 55-90, Jan. 2005.</p> <p>4. A. Mottaghi and H. Kamran, 'CORRELATION OF REALISM AND GEOPOLITICS, CASE STUDY: DISCOURSES OF THE FOREIGN POLICY OF CHINA', <i>GEOGRAPHY</i>, vol. 13, no. 45, pp. 5-29, Jan. 2015.</p>	<p>Концепт «Третий мир»</p>

Таблица 2

Верификация для китайского языка

Заголовок статьи на китайском языке	Верифицируемый термин
<p>1. 董文文. 论小平对和平共处五项原则的新发展[J]. 新西部,2017,(18):8-9.</p> <p>2. [1]尹承德. 周恩来:和平共处五项原则的创意者、发起者、头者[J]. 党史博览,2017,(01):8-12.</p>	<p>Пять принципов мирного сосуществования</p>
<p>3. [1]何庆机. 面具与中间地带——艾略特非个人化诗学中的个性与情感[J]. 山东外语教学, 2017, 38(03):70-77.</p> <p>4. 高嘉懿. 第二次日内瓦会议与中法关系改善——兼论中国“两个中间地带”的外交战略[J]. 华东师范大学学报(哲学社会科学版),2017,49(05): 133-140+176-177.</p>	<p>Концепция «промежуточных зон»</p>

Заголовок статьи на китайском языке	Верифицируемый термин
5. 朱彩兰, 李艺. 电子教材的本质辨识:来自三个世界的观察 [J/OL]. 电化教育研究, 2017, (11): 1-5 (2017-10-27) 6. 彭远. 对毛泽东三个世界理论的再探讨 [J]. 史学月刊, 2017, (03): 132-136.	Теория «трех миров»

мира и в частности Ирана позволяет прийти к следующим выводам:

1. Китай не имеет истории взаимоотношений с Ираном, основанных на понятиях великих держав и европоцентризма, и соответственно в терминологии китайской внешней политики отсутствует тема колониального господства над странами Востока.

2. Россия в описании своей политики на Востоке продолжает использовать термины времен нахождения в статусе «великой державы».

3. КНР, напротив, осмотрительно старается избегать позиционирования себя в качестве сверхдержавы. Понятие «великие державы» в отношении с некоторыми для постколониальных государств Азии и Африки носит для них негативный характер.

4. Использование терминологии «великой державы» для информационного сопровождения российско-иранского сотрудничества должно ограничиться только рамками XIX века. В этом случае необходимо применять опыт политической мимикрии Китая. При этом использовать объединяющие, а не разъединяющие факторы.

Все три страны (Иран, Китай и Россия) осуждают идею однополярного мира. В отличие от России Китай использует политическую мимикрию в отношении со странами третьего мира. Позиционирование Китаем себя как страны третьего мира содействует формированию положительного образа Китая в развивающихся странах. Российская иранистика в своих исследованиях должна учитывать не только европоцентричную терминологию, но и достижения терминологических школ Ирана и Китая.

Литература

1. Андреева, Т.Л. Лингвистический аспект как фактор внешней политики КНР в XXI в. / Т.Л. Андреева, К.Е. Керн // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 417.

2. Журавлева, Е. Система «мягкой силы» с китайской спецификой и ее особенности / Е. Журавлева // Политические процессы в условиях смены экономической модели. Москва, 16–18 марта 2016 г. – 2016. – С. 140–151.

3. Каменева, М.С. Личность и взгляды имама Хомейни / М.С. Каменева // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2010. – № 4. – С. 150–153.

4. Миньяр-Белоручева, А.П. Становление терминологии международных отношений / А.П. Миньяр-Белоручева, О.А. Вдовина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2008. – Т. 1, № 101. – С. 42–48.

5. Филин, Н.А. Факторы, влияющие на российско-иранские отношения в начале XXI в. / Н.А. Филин // Власть. – 2017. – № 3.

6. Цвык А.В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-х гг.) / А.В. Цвык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1.

7. Юртаев, В.И. Особенности современной внешней политики Ирана / В.И. Юртаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2012. – Т. 2. – С. 13–20.

Фаткулин Булат Гилимдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), bfatkulin@gmail.com

Поступила в редакцию 25 октября 2017 г.

THE FORMATION OF 'INTERNATIONAL RELATIONS' TERMINOLOGY IN IRAN, CHINA AND RUSSIA AND THE METHOD OF TERMS VERIFICATION USING DOMESTIC SCIENTOMETRIC DATABASES OF PRC AND IRI

B.G. Fatkulin, bfatkulin@gmail.com

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The terminology of international relations, earlier based exclusively on Eurocentrism, is currently being supplemented by concepts developed in the research structures of developing countries. In addition to the generally accepted terminology of international relations, Iran and China use authentic concepts created by scientists of these countries on the basis of the interests of these states. Authentic terminology needs verification. The article shows methods of the authentic terms verification using article headings represented in the scientometric databases of Iran and China (the Farsi and Chinese language based). The presence of verified terms in the headings of the articles placed in the scientometric databases in Farsi and Chinese proves that these terms have passed the development stage in the languages and can be effectively used by Russian Iranian studies branch in the analysis of authentic texts on international topics.

Keywords: terminology, Russian-Iranian relations, Sino-Iranian relations, foreign Iranian studies, terminology of Iranian studies, terminology of international relations, Third World countries, language of article headings, verification of terms, scientometric databases, multipolarity, terminology of diplomacy, Eurocentrism, Great Powers, language policy.

References

1. Andreeva T.L., Kern K.E. [Linguistic Aspect as a Foreign Policy Factor in China in XXI Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 417. (in Russ.)
2. Zhuravleva E. [The System of "Soft Power" with Chinese Characteristics and It's Features]. *Politicheskie processy v usloviyah smeny ehkonomicheskoy modeli. Moskva, 16–18 marta 2016*, pp. 140–151. (in Russ.)
3. Kameneva M.S. [The Personality and the Views of Imam Khomejini] *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 2010, no. 4, pp. 150–153. (in Russ.)
4. Min'yar-Beloruicheva A.P., Vdovina O.A. [Formation of the Terminology of International Relations]. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2008, vol. 1, no. 101, pp. 42–48. (in Russ.)
5. Filin N.A. [Factors Affecting Russian-Iranian Relations at the Early XXI Century]. *Vlast'*, 2017, no. 3 (in Russ.)
6. Cvyk A.V. [Evolution of the Foreign Policy Doctrines of the PRC (1950–1990)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 1 (in Russ.)
7. Yurtaev V.I. [The Features of the Modern Foreign Policy of Iran]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, vol. 2, pp. 13–20. (in Russ.)

Bulat G. Fatkulin, Candidate Degree in Philology, Associate professor, Linguistics and Translation Chair, South Ural State University (Chelyabinsk), bfatkulin@gmail.com

Received 25 October 2017

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Фаткулин, Б.Г. Становление терминосистем международных отношений Ирана, Китая и России и метод верификации терминов с использованием национальных наукометрических баз данных КНР и Ирана / Б.Г. Фаткулин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 41–47. DOI: 10.14529/ling170406

FOR CITATION

Fatkulin B.G. The Formation of 'International Relations' Terminology in Iran, China and Russia and the Method of Terms Verification Using Domestic Scientometric Databases of PRC and IRI. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2017, vol. 14, no. 4, pp. 41–47. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling170406